Если у меня тебя заберут

Автор:
Виолетта Роман

Если у меня тебя заберут

Виолетта Роман

История простого парня и девушки из девяностых. История о сложных судьбах и сильной любви. Любви, способной направить на путь исправления бандита и подарить счастье девушке-сироте. От автора: Старое название романа "Ляля и бандит"

Содержит нецензурную брань.

Виолетта Роман

Если у меня тебя заберут

Глава 1

Первая встреча

Пятое сентября 1986 года

– Первый «Б» строимся по двое! Идем в столовую!

Их было так много, они толкались и галдели. У меня разболелась голова, а сердце забилось в тревоге. Снова я останусь без пары, как в прошлый раз, и

придется идти за руку с каким-нибудь мальчишкой. А самой подойти к кому-то не хватало храбрости. Мне хотелось домой. К своей маленькой сестренке. Хотелось играть в пиратов с Петькой из соседнего дома или рыбачить с ним на речке. Но уж точно не сидеть в душном классе в окружении двадцати незнакомцев.

Меня кто-то толкнул в плечо. Стало так больно и обидно. Из глаз полились слезы.

– Эй, лохушка! Ты че ноешь то, – засмеялся мой обидчик, стоящий позади. Этот рыжеволосый мальчишка с первой секунды выбрал меня объектом для битья. Не знаю, чем насолила ему, но Антон не упускал ни единой возможности задеть меня. Я вжала голову в плечи, зажмурилась. Сейчас мне хотелось оказаться подальше отсюда.

– Эй, ты чего молчишь, нюня?

Он снова толкнул меня. Мне стало страшно. Я не умею драться. Петька много раз пытался научить меня, но все без толку. Я трусиха. И всегда была такой. И сейчас я дрожала всем телом.

– Ты всегда так себя ведешь? – раздался голос над нашими головами.

Я обернулась и обмерла. Рядом с нами стоял высокий мальчишка. Его темные волосы были немного растрепаны, а на правом плече висел школьный рюкзак. Сердце замерло, я знаю его – он с параллельного класса, Ваня Чижов. Драчун и оторвила, его боятся все парни с нашей улицы. И даже Петька. Помню, однажды Чижов отобрал у друга новенькую удочку. Тот хоть и получил от бати нагоняй, но так и не сдал Ваню. Ремень в сравнении с Чижом Петьке казался сущим пустяком.

– Как я себя веду? – ответил с наглой улыбкой мой обидчик. Видимо, еще не понимая, кто перед ним стоит.

Чижов, недолго думая, схватил наглеца за воротник и тряхнул того так, что у последнего из кармана посыпались семечки.

– Значит так, будешь обижать девчонок – получишь. Все понял?

Тот испугался. Так и замер испуганным кроликом в его руках.

– Я спросил: ты все понял? – теперь он рычал. Ситуация накалялась и страшно не только мне.

– Д-да, – испуганно закивал рыжий.

Чиж выпустил того из рук.

– А теперь марш в конец строя!

– Чижов! – закричала наша учительница. – Ты что себе позволяешь?

Ваня нагло улыбнулся, ничуть не смутившись ее.

– Анастасия Валерьевна, ваши косяки закрываю. Дисциплина и порядок в классе – ваша обязанность. А у вас тут девочек обижают.

– Кого?

Она удивленно окинула взглядом строй.

Чижов посмотрел на меня. В моих глазах все еще были слезы.

– Ты в порядке?

Я кивнула. Он свел брови и улыбнулся. Потянувшись к карману, вытянул платок.

– На, держи. Хватит плакать, а то как маленькая ляля.

– Я не ляля, – нахмурилась, но послушно стерла с лица слезы.

Меня обидело его обращение, но потом я испугалась своей наглости.

Только Чижов совсем не разозлился. На его губах появилась широкая улыбка.

– Нет, Ляля, – произнес он, задумчиво почесав свою шевелюру. – Самая настоящая Ляля.

Глава 2

13 лет спустя

– Дедуль, меня сегодня не жди. Мы в поход с ночевкой, – рюкзак был тяжелым. Мне пришлось надеть обе лямки на плечи, чтобы не свалиться на пол.

Дедушка оторвал взгляд от телевизора.

– Ладно, я как раз хотел забор докрасить.

– Да не крась ты его, я приду и сделаю все! Опять давление шандарахнет, спасай потом тебя.

Дедушка отмахнулся от меня, как от назойливой мухи. Ну что за характер?! И вот как теперь уходить? Переживать же буду. Упрямый, полезет сейчас красить, а там солнцепек.

Посмотрела на часы – до назначенного времени оставалось всего десять минут. А еще Катюху забрать нужно.

К тому времени, как я добралась до дома Филипповой, Катя уже вышла на улицу с вещами. Мы сразу же направились к универу.

– Ты чего опоздала?

– А то ты не знаешь?

Катя покосилась недовольно.

– Ты чего злая такая?

Я подумала о том, что этот поход совсем некстати. После сессии голова раскалывается и сил нет ни на что. И зачем, спрашивается, прусь туда? Катюха уговорила.

– Да опять мать запила. Отчим ее головой разбил стекло в двери, потом полночи в травме провели, зашивали ее. А когда приехали… Не хочу об этом. Я к деду ушла, – вытянула из кармана пачку сигарет. Последняя. Денег не осталось совсем. Спрятала ее обратно.

Катя нахмурилась.

– Правильно, бросай курить, Аленка. Третий курс за плечами, еще пару лет и вышка наша. Универ закончим и свалим в столицу, станем моделями. А им курить нельзя.

Я рассмеялась ее заявлению.

– Не то чтобы я в модели собиралась, но почему им курить-то нельзя?

Катя вернула ко мне полный недовольства взгляд.

– От них пахнуть должно цветочками и духами вкусными.

Отвернувшись, постаралась сдержать рвущийся из груди смех. Спасибо подруге, настроение мне подняла немного.

– Слышала, вчера Чиж со своей бандой прижали Северных. Выгнали их из города, так что теперь спокойно будет, – заявила Катя. При звучании Ванькиного прозвища тут же стало не по себе.

– Бандитские разборки Чижа мне поперек горла уже. Неужели других тем для разговора нет?

Катя посмотрела на меня прищуренно. Она, как никто другой знала все о моих чувствах. И я уверена, она напомнила о нем специально.

– Подумать только: у заведующей кафедры, у самой строгой и правильной профессорши сын – бандит!

Я фыркнула. Вера Сергеевна и правда женщина-гроза. Но Чижу всегда было плевать на ее строгость. Она с ним даже в начальной школе не могла справиться. А сейчас тем более. Может, причина в том, что Ванька рос без отца. А может, дело в его непримиримом и упертом характере. Но я не видела ничего плохого в том, что он стал таким.

– Зато какой-никакой порядок. По крайней мере, девчонки на районе спокойные, что ни одна падла не обидит.

Катя усмехнулась.

– А ты, смотрю, все никак не отпустишь его, да? Любишь, оттого и защищаешь так…

Я резко остановилась. Позади идущая Филиппова врезалась мне в спину и едва не упала, не ожидая такого.

– Еще чего. Я на таких, как он не смотрю даже. И все мои чувства – детский бред. Мне уже двадцать, Катя. И я давно не глупая школьница, влюбленная в него. Хватит мне и того позора на первом курсе. Когда я по дурости решила ему признаться в чувствах, – произнесла и почувствовала горечь во рту от собственных слов.

Катя сглотнула. В глазах подруги блеснула грусть.

– Прости, Ален. Это я так, пошутила.

Я кивнула и двинулась дальше, не желая продолжать эту тему.

– Другое дело – Антон, – заявила вдруг Филиппова. Я закатила глаза.

– А что Антон? Он мажор. Такие, как он, ничего серьезного с такими, как я, не имеют.

– Такой, как ты, это какой? Без пяти минут лучшей студентки на курсе?

Смеюсь.

– Ключевое слово – «без пяти минут», Кать. У таких, как я, все почти. Неполное, нецелое, недоделанное какое-то. Даже семья у меня такая, что показать кому стыдно. И саму тошнит.

Слава богу, мы подошли к корпусу универа. У турника уже собрались наши. В огромную гору были свалены рюкзаки и походные сумки. Парни курили, а девчонки болтали.

– Наконец-то, Алена! Мы уже думали выдвигаться без вас, – заворчал Витек. Антон подошел к нам.

– Не обращай внимания, ему Юлька отказала, вот он и злится, – парень потянулся и поцеловал меня в щеку в знак приветствия. Он забрал мой рюкзак и повесил себе на плечо. Я не стала противиться.

Спустя пять минут все отправились в лес. Путь был недолгим, так что никто не спешил. Девчонки обсуждали предстоящий праздничный вечер по случаю окончания третьего курса, а парни – последние новости со вчерашних разборок. Говорят, там жертвы есть со стороны Северного. Одного сильно избили, в больничке лежит. Чиж шороху навел во всех окрестностях, как бы войны не началось, тогда места мало всем будет.

Разговоры о Чижове выводили меня из себя. Разве можно забыть, задавить в сердце отвергнутые чувства, когда с каждого уголка, буквально отовсюду столько новостей о нем.

Добравшись до любимой полянки, мы разбили лагерь. Парни установили палатки, а мы с девчонками помогали им искать дрова и накрывали импровизированный стол. Спустя час уже горел костер для шашлыка, а в центре лагеря парни накидали дров для огромного костра, у которого мы будем греться

ночью. Я осмотрелась по сторонам. Такая приятная дружеская атмосфера царила тут. Группа у нас очень дружная, и так не хочется расставаться с ними даже на лето.

Наевшись досыта, ребята включили музыку. Мы сидели на бревне у костра.

– А давайте поиграем во что-нибудь? А то скучно, ужас, – вздохнула Аня. Я посмотрела на нее, вложив во взгляд всю имеющуюся злость. Катя одернула меня.

– Успокойся, – прошептала на ухо подруга.

Я усмехнулась.

– У меня что, на лице это написано?

– Ты чего так к ней? Из-за Чижа?

Я вспыхнула.

– Много чести Чижу… Если ему нравится таскаться со шл*хами, его дело.

Я поднялась с бревна и пересела подальше. Антон подошел к нам.

– Ребят, а правда, давайте развлечемся? – он поднял бутылку из-под вина вверх.

– А что, я не против, – Витька устроился в кругу. Подмигнув мне, указал на место напротив. Девчонки тут же подсели к нему. Парни тоже.

Что ж, ладно, раз вся компашка уже собралась, почему бы и нет?

Анька крутанула бутылку. Выпало на Марину и Севу. Фу, от него сигами несет за километр, как бы она не задохнулась.

Все смеялись, было весело. Пары выпадали просто безумные по сочетанию. Особенно весело было, когда должны были поцеловаться бывшие.

Но я чувствовала легкий нервоз.

– Анька, Чиж то тебя не убьет? – засмеялась Катя после того, как Анисимова поцеловала третьего по счету парня.

– Он не ревнивый, – махнула она рукой и засмеялась. Девушка была навеселе. Сколько она выпила?

В этот момент Антон посмотрел куда-то поверх моей головы.

– Вспомнили о Чиже, получите…

Я услышала звук мотоциклетных моторов. Оглянувшись, замерла. По коже пробежал озноб. Чиж со своими братками. Пять байков ослепили нас фарами. Они припарковали их в нескольких метрах от нашей поляны. И, спешившись, сейчас шли прямиком к нам…

– Черт… – выругался Витька. – Че делать будем?

Мне стало смешно. Такие крутые все на словах, а как только на горизонте Чиж нарисовался, так сразу в штаны наложили.

– Сидим и играем, – рыкнул Антон. Видно было, что с большим рвением они бы сейчас мотнули отсюда и прямо по домам. Но рыпаться никто не стал.

– Давай, Марин, крути, – скомандовал Свиридов.

Мы делали вид, что все окей. Бутылка крутилась, пары целовались. Но абсолютно все были напряжены. И если ребята боялись, то я была зла.

Одно присутствие Чижа выводило меня из себя. Не видела его несколько месяцев, с того момента, как его исключили из универа. Какого лешего ему тут надо?

Подняла глаза, посмотрела в их сторону. Чиж стоял в нескольких метрах от нас. В темноте вечера зажегся маленький красный огонек сигареты. Он сделал

затяжку, разжигая его до больших размеров. Я чувствовала на себе его взгляд. Клянусь, он пялился на меня. Высокий, крепкий, в черной футболке, обтягивающей крепкие мышцы. Замечаю шрам на правой брови и в груди стискивает. Кто это сделал? Снова разборки, драки и перестрелки. Что за жизнь у него? И как больно той, кто будет рядом. Постоянно волноваться и переживать.

Ругаю себя за собственные мысли. Прячу взгляд, краснея с головы до ног. Какого черта вообще спрашиваю об этом? Разве меня это должно интересовать?

И словно в подтверждение моих мыслей, с земли поднимается Анька и несется к нему. Запрыгивает на Ваню, обнимая.

– Ну, чего замерли? Давайте, крутите, – выпалила я со злостью. Схватила бутылку и крутанула. Видела боковым зрением, как Чиж сжимает задницу своей подруги, а та что-то радостно рассказывает ему, с обожанием заглядывая в глаза парня.

– Упс, Аленка, ну наконец-то! – завопил вдруг радостно Витька. – Ну-ка, засоси Антоху, – заржал во все горло.

Я посмотрела на Свиридова. Тот виновато улыбался. Но мне нужно было сделать хоть что-то лишь бы не пялиться на Чижа.

Прикрыла глаза и потянулась к Антону. Послышался какой-то шорох. Я сидела и ждала, когда его губы коснутся моих. Ну чего он там долго, в самом-то деле?!

А потом это произошло. Вдруг мягкие губы коснулись меня. Они пахли сигаретами и мятной жвачкой. Удивительно, но мне понравилось.

Шершавые горячие ладони накрыли мои скулы и нагло притянули к себе. Проворный язык ворвался в мой рот. В этот момент я вдруг почувствовала неладное. А когда распахнула глаза, едва ли не задохнулась от злости.

В нескольких метрах от нас стоял Антон. Его держали двое братков Чижа. А рядом со мной, все еще держа мои скулы, сидел сам Ваня.

Чиж

Парни были на адреналине. И то, что бойни не произошло, дико бесило нас. Мы готовились к этой сходке. Северный зарвавшийся черт со своими спортиками изрядно потрепал нервы. Мало того, что беспредел устроили в нашем городе, да ментов подогнули, так еще и на нас пасть раззявили. Выхода не оставалось, кроме как гасить ублюдков. До сих пор не понятно, что их так напугало, но с поляны они бежали, сверкая пятками.

– Че, куда теперь? Может, в клуб заявимся? Сегодня вроде дискотека, телок цепанем, – улыбнулся довольно Ржавый, открывая бутылку пива.

– Можно и в клуб, – я задумчиво крутил монету между пальцами.

Ржавый напомнил об универе. Сто лет там, кажется, не был. С того самого момента, как поперли за драку. Декан не выдержал, да и матушка тоже. Открестились, навешав кучу ярлыков.

Сессия должна быть позади, Ляля третий курс окончила. На прошлой неделе двадцать лет исполнилось – взрослая такая стала.

Видел ее несколько дней назад, по улице шла, чуть глаза не сломал. Жопой виляет, ноги до ушей. Сука, и как тут держаться подальше? Обещал же сам себе, что не трону ее. Но тянет к ней по-черному. Да и после того случая, случившегося несколько лет назад, она даже не смотрит на меня. Обиделась, дуреха мелкая…

– Да не, пойдемте в лес, там Витька со своей компанией гуляет! – крикнул Пашка.

Ржавый посмотрел недовольно на младшего.

– Сегодня у здания универа видел, набрали с собой рюкзаков…

– А это идея, – подхватил тему Олег. – Пойдемте хоть с девками потусим.

Я кивнул.

Запрыгнули на мотики, помчали в лесопосадку. Витек со всей группой был там, где и думали.

Припарковав байки, осмотрелись. Парни сразу же направились к отдыхающим, а я затянулся сигой. Всматривался вдаль.

У костра сидела компания. Ничего особенного, пацаны да девки. Но вот одна… жгучая брюнетка с ярко-голубыми глазами. Засмеялся нервно. Даже в кромешной темноте ее узнаю. Ляля. Сука. Знал бы, хер бы приехал сюда. Видел, как Анька рванула ко мне. Ну хоть пар выпущу.

Анисимова несет какую-то муть, а я смотрю на группу, сидящую в кругу. Они крутят бутылочку, заняться нечем? Горлышко указывает на Лялю и на дебила Антона.

Улыбнувшись, он поднимается с места, тянется к Аленке для поцелуя. А у меня внутри словно рычаг какой переключается. Замыкает.

Действую молниеносно. Отстранившись от Аньки, несусь к ним. Делаю знак парням оттащить Свиридова. Демонстрирую ему кулак. Сглотнув, тот кивает. Пацаны держат его на всякий случай.

Ляля сидит. Глаза закрыла, в отблесках костра ее губы кажутся еще пышнее и сочнее. Ни одна падла даже звука не издает, уставились на меня, как кролики на удава.

Тянусь к ней. Знаю, что ничем хорошим это не закончится, но не могу удержаться. С самой первой секунды знакомства хотел попробовать их на вкус. Столько раз не давал себе воли. А сейчас… понимаю, что не допущу Свиридова к ней.

Резко и стремительно, так, чтобы ни одна скотина не успела испортить момент, притягиваю ее к себе и накрываю ее губы. Мягкие, со вкусом карамели. Ляля застывает в моих руках. Я пытаюсь действовать осторожно. Просто легкие касания губ, но и от этого башню сносит. Этот поцелуй длится слишком мало и в

то же время слишком долго для игры. Она вдруг понимает – что-то не так. Отстраняется первой. А когда ее глаза встречаются с моими, в них вспыхивает удивление, а затем злость.

– Чижов?!

Улыбаюсь во все тридцать два.

– Не стесняйся, можешь во всех красках описать свой восторг.

Она отталкивает мои руки и срывается с места, стремительно уходя от костра в сторону. Ну уж нет. Так просто я не отстану.

Иду следом. Аленка злая, руки в кулаки сжаты. Идет, не зная куда, что-то бубнит себе под нос.

– Могла бы поблагодарить. Я спас тебя от необходимости целоваться со Свиридовым.

Она вдруг резко останавливается, я едва не врезаюсь ей в спину.

Обернувшись, прожигает меня гневным взглядом.

– Может, я хотела с ним поцеловаться! Какого черта тебе надо?! – Ляля выкрикивает мне в лицо эти слова, толкает меня в грудь. В ее широко распахнутых глазах злость. И это меня выводит из себя.

– Ты в своем уме?! Этот придурок даже защитить тебя не сможет в случае чего! Нашла перед кем ноги раздвигать.

Резкое движение – ее рука взмывает в воздух, перехватываю ее на лету. Притягиваю к себе и беру в захват.

– Не стоит этого делать, Ляля, – шепчу у лица.

Пытается вырваться, но в ее руках силы, как в коленках у воробья.

– Да если бы я знала, что это ты, лучше бы земли поела!

Обижена до сих пор. Едва ли не пыхтит от злости. Волосы растрепаны, губы свои красные кусает – издевается, бл*ть. Согну же пополам и покажу, как нужно разговаривать. Только нихера же не сделаю. Сам позволяю ей подобное отношение. Маленькая ведьма чувствует свободу и безнаказанность. С первого класса за ней следом, а всех придурков под откос, кто только посмотрит на нее косо. Ни единый волос с головы не упадет, чтобы, не дай бог, не споткнулась. Когда в универ пришла, здесь всех рвал на куски. А она теперь даже смотреть на меня нормально не хочет.

– Ты что, какая земля? А вдруг отравление? Как я тебя спасать буду?

Перевожу все на шутку, хотя самого долбит изнутри.

– Да уж лучше на тот свет, чем терпеть твое общение.

Подаюсь к ней. К самому лицу. Она замирает, готовая в любую секунду в меня вцепиться. И то, что она не боится меня – это дико заводит.

– Если тебя не станет, я буду приносить тебе на могилку шутки про Свиридова, – шепчу ей. Отстраняюсь. Замечаю морщинки в уголках ее глаз. Но держится, продолжая корчить недовольную гримасу.

– Если услышишь, что каркают вороны, это я смеюсь с твоего плоского юмора.

Тянусь к ее волосам. Она застывает испуганно. А я ловлю себя на мысли, что не хочу ее выпускать. Вот так в руках ее держать, запах ее духов вдыхать. Убираю с волос сухой листик. Показываю ей.

– В тот раз там, в клубе… так надо было…

Ее лицо кривится от злости.

– Держись от меня подальше, Чиж! – цедит сквозь зубы и, оттолкнув, уходит.

Не знаю, как сдержал себя, чтобы не ломануться за ней. И про клуб сказал специально, знал, что пошлет. Каждый раз, когда тот вечер вспоминаю, понимаю, что упустил свой шанс.

Гордость ее задел. При пацанах отбрил, назвал серой мышью. Бл*ть. Если бы не грозящий мне срок за решеткой, х*й бы куда отпустил тогда. Но времена были сложные: серьезные терки с Тараном и связь со мной могла сильно навредить ей. Этот ублюдок – конченый садист, а досадить мне через близких – этот шанс он бы не упустил.

Отшил ее тогда, а потом два года подыхал, смотря со стороны, урывая крохи ее внимания. Хочется плюнуть на все и сорваться к ней. Сгрести и, сука, рвать каждого, кто хотя бы посмеет подойти.

– Чиж! – раздается голос Рыжего.

Оборачиваюсь. Друг идет ко мне, слегка покачиваясь. Где уже успел набраться?

– Излагай, – закуриваю сигарету.

– Ну че, давай лохов в магаз зашлем. Пусть бухла доберут.

– А вам не хватит?

– Чиж, ну чего ты, в самом деле? Дай пацанам расслабиться.

Он прав. Сегодня встряска была хорошая.

– Ладно, девчонок не обижать.

Рыжий кивнул. Отправился к костру.

– И еще, – окликнул его. Рыжий обернулся.

– Свиридова, на х*й отсюда. Чтобы даже не мелькал здесь.

Рыжий лыбится.

– Из-за Аленки?

– Из-за рожи его конопатой. А ты меньше нос свой суй в чужие терки.

***

Пацаны пьют, вокруг царит веселье. Девчонки танцуют у костра под гремящую музыку. Ляля грустная, сидит с подругой в другой стороне лагеря. Чего напряглась так? Из-за рыжего переживает? Что в голове у этих баб? Никогда не мог понять. И что ей может нравится в этом придурке? Помню, на первом курсе устроили ему темную. Так он бежал, бросив друга, аж пятки сверкали. От него за версту веет трусостью. А она словно и не видит его гнили, рвется к этому придурку.

– Чиж, хорошо, что вы пришли. Так скучно было… – на колени опускается Аня. Обнимает за шею, поднося к моим губам бутылку коньяка.

Отстраняю алкоголь. Я не пью совсем, и меня бесит, когда мне пытаются втюхать эту херь.

Поднимаю на нее глаза, а она воспринимает это как призыв к действию. Тянется к губам, целует. Удобная она. Знает, как удовольствие доставить, да и нервы сильно не треплет. Вот только не то все это. Ее целую, в носу запах Ляльки до сих пор. Сладкий, пряный.

Анисимова ерзает на коленях. Все это время трещит, не замолкая. У них спор с Ржавым по поводу машин. Этим дай закуситься – не заткнешь. А я на Алену смотрю. Сидит недалеко от костра с подружкой своей. Себя обняла за плечи, трясется.

– Витек, – подзываю ее одногруппника. Тот подходит, покачиваясь. Удивлен, боится. Даже в пьяном взгляде страх мелькает.

– Аня, встань, – подталкиваю ее под бедра.

Анисимова поднимается, я следом, пытаясь удержаться и не рухнуть. Голова от усталости едет. Двое суток на ногах.

– Ты что делаешь? – восклицает, пока я сбрасываю все со спальника, который подогнал Ржавый. Протягиваю Витьку. Тот ошарашенно смотрит на меня.

– Чего встал, бери!

– Ты решил отдать наш спальник? А я? Я же замерзну… – возмущается Анька. Все смотрят на меня удивленно.

– Чаще двигайся. Угомонись, возьмешь у Ржавого куртку, – сажусь на траву.

Витя прижимает к груди спальник.

– Ляльке отдашь, только не говори от кого. Пусть греется.

Глава 3

Ночь была ужасной. Сначала я была вынуждена сидеть и смотреть на то, как Чиж обнимается с этой дурой, слушать их глупые смешки и разговоры. А потом я замерзла. Собираясь впопыхах, совсем забыла взять с собой спальник. Попыталась спрятаться в палатке, но там оказалось еще холоднее. У костра хотя бы можно было чувствовать какое-то тепло.

Антона не было. Эти неандертальцы выгнали его из лагеря. Не знаю, что у них за терки со Свиридовым, но Чиж перешел всякие границы.

Честно говоря, хотела встать и уйти. Но бродить в кромешной темноте в лесу – не лучшая идея. Благо Витька к полуночи припер спальник. Не знаю, где взял его, но он спас мне жизнь. Я закуталась в него с головой и уснула до самого утра.

И сейчас еще половина ребят спали после веселой ночки. Я поднялась с земли, отряхнувшись от пепла, нападавшего за ночь с костра, свернула спальник. Слава богу, в лагере парней Чижова не было. Остались одни наши. Найдя Витьку во второй палатке, шепотом позвала его. Катюха спала у парня на плече. Он

осторожно переложил ее и вышел ко мне.

– Чего тебе? – буркнул, недовольно поеживщись. Хотя утро было жарким.

– Спасибо за спальник. Хотела вернуть.

Он удивленно смотрит на сверток в моих руках. Задумчиво чешет затылок.

– Так это не мое.

– А чье?

– Чиж мне сказал тебе отдать. Ему и возвращай.

Пожав плечами, Витька забирается обратно в палатку, а я так и остаюсь стоять на месте. Чиж? Какого черта ему от меня надо?

Бросаю спальник на том месте, где провела ночь. Решаю умыться в озере, расположенном неподалёку, а потом идти домой. Из головы не выходят слова Вити. Зачем Чиж отдал мне свой спальник?

Сволочь. Издевается надо мной, играет. И эта его фраза вчерашняя: «так надо было». Он взорвал мой мир снова! Из-за этих слов я не спала полночи. А потом, когда увидела его с Анькой, снова поняла, какой дурой являюсь. Вообразила себе, будто имею значение для него.

В своих мыслях спускаюсь к воде, едва ли не падаю на обрыве. Мелкие камни летят из-под ног, и я с шумом приземляюсь у самой кромки воды.

– Ты пьяная, что ли? – раздается над головой знакомый голос. Поднимаюсь, чувствую боль в коленке. И застываю. Чиж. Стоит в воде по пояс, с оголенным торсом, смотрит на меня исподлобья. Внутри все замирает, но я стараюсь не думать о нем. Игнорирую. Спускаюсь осторожно, скинув кроссы, захожу в воду. Умываюсь.

– Не замёрзла ночью?

Как он достал! Выпрямившись в полный рост, смотрю ему в глаза. В упор.

– А ты считаешь себя крутым, да, Чиж? Выгнал Свиридова только за то, что у нас что-то наклевывается? Отдал мне спальник – само благородство, вы посмотрите на него! Че тебе от меня надо? А? Тр*хнуть все-таки решил серую мышь? Так у тебя ж вроде Аня есть, слышала, она виртуозная шл*ха… – я выпаливаю это все на одном дыхании. Я так зла на него, он измучил мою душу! С третьего класса сохла, все тетрадки исписаны его именем были, и вот когда в на первом курсе набралась храбрости, он меня унизил! Мне бы даже имя его не вспоминать, но разве глупому сердцу объяснишь?!

Его взгляд становится злым. Он хватает меня за плечо, больно.

– Угомонись. Я ж говорил, так надо было, – цедит сквозь стиснутые зубы. А мне рассмеяться хочется.

– Так надо?! Это почему? Вокруг враги, а ты такой герой?! Вот только где же он эти пару лет был, когда так нужен был! Когда мне некому слова было сказать?! Когда моя маленькая сестра умерла, потому что алкоголичка мать больше интересовалась своим мужиком, а не нами! И я ничего не смогла сделать! Совершенно ничего! Где ты, бл*ть, был, Чиж?!

Его пальцы еще больнее впиваются в мою кожу. Меня знобит, в глазах слезы. Я так зла на него! Потому что его не было рядом эти сложные два года!

– Тебе было плевать на меня, ты жил в свое удовольствие. А каково мне было смотреть на то, как ты меняешь баб? И сегодня ты берешь и избавляешься от человека, которому я небезразлична! Ты оставляешь меня одну, швыряешь мне этот спальник, как подачку, а сам со своей Анькой обжимаешься…

Он притягивает меня к себе так, что моя грудь упирается в его.

– Ты, бл*ть, думаешь, меня не ломало, Ляля? Думаешь, я локти не кусал за сделанное? Думаешь, не срывался к тебе? Или не был на похоронах твоей сестры? На чьи бабки сестру похоронили, когда у вас жрать нечего было? Я тенью за тобой ходил каждую еб*ную минуту, Ляля!

Я молчу, смотрю на него, понимая, что с каждым словом он вонзает мне в сердце нож. Чиж поднимает глаза куда-то поверх моей головы, стискивает зубы.

– Анька ничего не значит. Ты же верещала только от поцелуя со мной!

С меня достаточно! Я устала.

– Знаешь что, Чиж?! Пошел ты! – отталкиваю его.

Так еще больнее! Когда он был монстром в моих глазах, было проще! А теперь, после его слов, меня еще больше ломает. И я устала от этой боли. Устала от всего, что связано с ним.

Отхожу на несколько шагов, а он взглядом меня сверлит. Ненавижу его в этот момент! Ненавижу всеми силами, насколько способно мое измученное сердце!

– Я хочу, чтобы ты знал. Я не хотела со Свиридовым ничего, но теперь я пересплю с ним. Чиж, прямо сегодня! А тебя я не хочу никогда видеть. Ты долбанный лицемер!

Я срываюсь в сторону дома.

– Стой! – раздается в спину его крик. Перед глазами все плывет, легкие горят. Я не сбавляю ходу, только фак ему демонстрирую. Пусть катится в пропасть!

***

Всю дорогу я прорыдала, как слабачка. По лицу текли слезы, а я шла, не разбирая пути. Меня душила обида. И чувство стыда за собственную слабость. Я не должна была показывать Чижову того, как сильно я нуждалась в нем. Он не заслужил этого!

Пришла в себя, стоя у ворот дома Свиридора. Осмотрелась по сторонам – в этом районе я была все пару раз. Да и дом Антона видела однажды, когда Катя показывала мне его в окно такси. И сейчас я здесь. Но для чего?

Сама не знаю, для чего. Мне просто хотелось спрятаться в чьих-то объятиях. Схорониться в мыслях о другом, только бы убежать от всего того, что взбаламутил во мне Чиж.

Одумалась я только после того, как нажала кнопку звонка. Черт, зачем я это делаю? Что скажу ему? Мы не так уж и близки с Антоном, как кажется другим. Общались по большей части раз десять за последние пару месяцев. Я не подпускала его к себе, не доверяя. Да и не нужен он мне, по сути. Но когда я увидела, как бесится Чиж при виде Свиридова рядом со мной, не смогла устоять перед соблазном.

Только думала уйти, как открылась дверь. Словно Антон был где-то неподалеку.

– Алена? – удивленно произнес парень, озадаченно осматривая меня.

– Ты ушел, не попрощавшись, – я пожала плечами. Антон нахмурился, было видно, что ему не хочется говорить об этом.

– Я переживала…

Он кивнул.

– Прости, нужно было подойти к тебе… – Свиридов опустил взгляд в пол. – Зайдешь? Предков нет, можем посмотреть видик. У меня новый боевик с Ван Даммом.

Это было заманчивым предложением. В шикарном доме Антона найдется много развлечений. Но сейчас мне нужно было идти домой.

– Спасибо тебе, но, может, в другой раз, – улыбнулась и сделала шаг назад.

А потом поняла, что хочу убедиться, желает ли он того же? Мне было важно, чтобы завтра я смогла реализовать в жизнь обещанное Чижу. И пока не передумала, выпалила, глядя на Свиридова.

– Антон, завтра праздник по случаю завершения сессии…

– Все верно, – кивнул.

– Я надеюсь… мы потанцуем вместе?

Боже, какой бред я несу! Краска тут же прилила к лицу. Но давать обратный ход было поздно, поэтому я продолжила молча ждать ответа.

Антон загадочно улыбался.

– Я надеюсь, ты будешь моей… девушкой. Хотя бы на этот вечер. Мы ведь все разъезжаемся…

Он имеет в виду, что после той ночи мы не станем называться парой? Боже, можно подумать, я об этом мечтаю.

– Конечно. Все именно так, – нервная улыбка скривила губы. Я чувствовала себя дико смущенно. – Ладно, я пойду. Еще платье нужно подготовить. Завтра встретимся у школы.

Обернувшись, потопала по тропинке к дороге.

– Стой, давай я провожу тебя! – раздался за спиной голос Свиридова. Я обернулась.

– Было бы здорово.

***

Прогулка с Антоном немного успокоила меня. Мы немного поболтали о том, кто и как собирается провести лето. Вернее, говорил только Антон. Он улетает с родителями в Америку. Я же просто отмалчивалась. А что говорить? Найду какую-нибудь подработку, потому что с деньгами вечная беда. Буду помогать деду на огороде, да на дискотеки ходить с Катюхой.

Антон галантно поцеловал меня в щеку на прощание и сказал, что будет ждать завтрашнего дня.

Домой я не зашла. Отправилась к Кате. Утром умчалась из лагеря, спеша подальше от Чижа, да так, что позабыла о своих вещах. Подруга не подвела, доперла и мой рюкзак до дома.

– Ты не оборзела ли, Королева? – пробубнила она недовольно, вытянув на порог мою сумку.

– Я все это на своем горбу перла, Витька уехал раньше, так что и помочь некому было.

– Вы что, вместе с Витькой? Он же за Олей бегал, – я попыталась сменить тему, но, видимо, выбрала не лучший вариант. Подруга метнула в меня недовольный взгляд.

– Ты мне лучше скажи, это из-за тебя Чиж злой был? Чуть лагерь не разнес…

Я побелела от ужаса.

– Кого-то покалечил?

– Слава богу, только палаткам досталось… уехал со своими отморозками куда-то, а мы потом шмотки собирали.

– Ладно, мне еще платье подшивать и гладить. Давай, до завтра.

Я помахала ей на прощание и двинулась к дому.

– Не забудь, что ты делаешь мне причёску! – крикнула вслед подруга.

Дома никого не было. Я выдохнула расслабленно и принялась за работу. Подшила платье, сделала маску и искупалась. День пролетел незаметно, и к девяти часам я устала так, что свалилась на кровать без задних ног. Даже дверь в комнату не закрыла.

Умаявшись до вечера, легла спать около десяти. Слава богу, матери с отчимом не было, и я могла насладиться спокойствием.

Вот только в груди неспокойно было. Я все думала о Чиже… Сквозь боль и стыд вспоминала его слова и произошедшее на озере. Слезы катились из глаз, падая на подушку. Как бы мне хотелось, чтобы между нами не было так сложно. Чтобы Чиж хоть раз в жизни поступил по-человечески… Чтобы не было между нами столько всего недосказанного.

Я уснула. Сон был глубоким, но вдруг я услышала какой-то шум. Что-то хлопнуло, а потом на меня навалилось нечто тяжелое. Я распахнула глаза, но не могла вдохнуть. Огромная мужская ладонь накрыла мое лицо.

– Заткнись, – прорычал отчим, и вдруг я почувствовала, как его рука проникает мне в белье.

Меня охватил ужас, я стала кричать, пыталась выбраться, но он только яростнее стягивал с меня одежду. Нет, бл*ть! Только не это! Только не этот ублюдок!

От него воняло алкоголем. Он был таким сильным, и я ничего не могла сделать. НИ-ЧЕ-ГО. На какой-то момент мне показалось, что это конец.

– Что здесь происходит? – откуда-то раздается голос мамы, а я начинаю еще громче кричать.

***

– Выметайся отсюда! Тварь неблагодарная!

Она ударила меня. Металлическая застежка кожаной куртки попала прямо в правую бровь. Меня ослепило болью. Схватившись за лицо, рыдая от испуга и обиды, я выскочила с крыльца дома, в чем была. В тоненькой пижаме, только и успела надеть кеды.

Она бросила в меня старую отцовскую куртку.

– Выметайся из моего дома! Чтобы я тебя больше не видела здесь!

Глаза щипало от слез. Я подобрала папину одежду, прижала к груди.

– Да пожалуйста! Лучше уж на улице, чем под одной крышей с алкашкой и озабоченным уродом!

Она затрясла кулаком.

– Ты мне поговори еще! Невиновного человека оклеветала!

Мне было так горько. Я смотрела на нее: заплывшая фигура, засаленный халат и грязные, обожженные перекисью волосы. Во что ее превратила водка? Ей самой не стыдно в зеркало смотреть?

– Пошла ты, – я сорвалась со двора.

На улице было темно, единственный фонарь, освещающий дорогу, сейчас не горел, и я наступила ногой в грязь.

– Твою мать! – попыталась отряхнуться. Черт, ну что за напасть?!

Подойдя к Катиной калитке, позвонила.

– Кто там? – раздался сонный голос подруги.

– Свои.

Колесникова открыла калитку. Потерев сонные глаза, окинула меня удивленным взглядом.

– Ты чего?

Мне было дико неудобно просить ее, но другого выхода я не видела. Меня до сих пор трусило.

– Слушай, можно у тебя сегодня остаться? Не хочу деда будить, переживать начнет…

Катя нахмурилась.

– Че, опять?

– Ага.

Я прошла внутрь. Как только подруга закрыла за нами дверь, я скинула обувь и уселась на веранде за кухонным столом. Сердце грохотало о ребра, отдаваясь шумом в ушах.

– Есть покурить?

– Ты же бросила.

– Кать, – посмотрела на нее.

Она кивнула понимающе. Полезла в настенный шкаф.

– Держи, но это отцовские, тяжелые. У меня голяк, я ж в завязке, – она бросила на стол пачку.

Сейчас я бы и от «Беломора» дедовского не отказалась бы. Гадко так, до одури. Нужно было хоть чем—то снять это гнетущее ощущение.

Вытянула одну, подкурив, затянулась на полную. Никотин царапнул горло, закашлялась. Руки тряслись, адреналин до сих пор не отпустил.

– Трогал тебя?

Я подняла на нее глаза.

Катя все поняла.

– Вот урод, – процедила сквозь зубы подруга. Она забрала из моих рук куртку. Ее глаза сверлили мои предплечья. Я опустила взгляд – вся в синяках.

Черт. А завтра праздник, приду ряженой.

– Не смог, надеюсь? – ее голос был тихим. Ей будто бы страшно было услышать утвердительный ответ.

– Трусы стянул. Еле отбилась. Она ж откормила его, лосяру…

– А она видела?

– Пришла, а он на мне лежит, урод жирный, – сделала затяжку, все дрожало, и голос в том числе. – Говорит, проститутка я, решила мужика ее совратить.

– Вот тварь… Нашла, кого проституткой назвать… Строже монашки на всем курсе не сыскать, – усмехнулась Колесникова, пытаясь пошутить.

Я подняла на нее глаза.

– Я не вернусь туда, Кать.

– А что делать будешь? – она присела на рядом стоящий стул.

– Нет, я не против тебя принять, но ты же знаешь, что через неделю отец с рейса вернется. А он когда бухает, всем места мало…

– Я к деду пойду, Кать. Не парься.

Я затушила сигарету.

– Ладно. Пойдем спать. Завтра сложный день.

***

Я чувствовала себя не в своей тарелке.

Дискотека была в самом разгаре. А я даже ни одного танца не провела на танцполе. Катюха убежала с Витькой, уже несколько треков я не вижу их.

Мимо прошла Маринка с девчонками. Я вжалась в стену, не желая лишний раз попадаться на глаза. Ощущала себя заморышем. Платье, которое вчера я так бережно подшивала, сейчас висело в шкафу, а я вынуждена была прийти сюда в Катькиных шмотках. Юбка джинсовая да белый топ.

Заметила Антона на входе. Выглядел он просто отпадно.

Закончился танцевальный трек, и диджей поставил медляк. В этот момент Антон поднял глаза и осмотрел зал. Наши взгляды встретились. Я слегка улыбнулась ему. Он кивнул собеседнику и направился в мою сторону.

Теперь все будет хорошо, Алена. Сегодня и у тебя будет медленный танец, да первая близость. Я сделаю так, как и обещала Чижу.

– Привет, – я делаю шаг вперед навстречу Свиридову.

Он продолжает улыбаться, но обходит меня, продолжая идти. Растерянная, оборачиваюсь и смотрю ему в спину. Антон приближается к Маринке и, приобняв ее, что-то шепчет на ухо. Маринка смеется и кивает. Парочка идет на танцпол, а я остаюсь на месте с колотящимся сердцем. Праздника не будет, Алена. И ночи любви. И даже медляка. Не у такой, как ты.

***

Чиж

– Ржавый, никакой наркоты, тебе мало бабок с тачек?

Олег напрягся.

– Чиж, да ладно тебе, чего ты боишься? Не мы же употреблять будем. Там нормальная тема, дилеров раскидаем, навар хороший будет. Арслан херни не предложит.

– Арслан пусть травит там, у себя в городе народ. Я на костях подниматься не стану. Я сразу вам говорил, Ржавый, что дурь – это запретная тема.

Пацаны молча смотрели на нас. Я знал, что Ржавый впрягается по их просьбе, но что-то против сказать очковали. Закончив с ужином, кинул на стол несколько купюр.

– Ладно, пацаны, я поехал. Завтра, как обычно. Поступил заказ на пару Мерсов.

Выйдя на улицу, закурил. Со стороны ресторана на набережной доносились громкие голоса в громкоговоритель. Праздник начался. Ржавый сказал, что третий курс там гуляет. Черт, несколько раз за ужин порывался туда. На нее хотел посмотреть. Только вспомню ее глаза, полные слез, и то, как кричит мне истошно, чтобы не подходил. И на х*р все посылаю. Не вышло, и начинать не надо.

– Чиж, – Рыжий вышел за мной. – Ты все-таки подумай. Арслан на год младше тебя, а поднимается очень быстро на этой теме. Ты пойми, сейчас время принимать решения. Нужно хватать быстро, не раздумывая. Чуть помедлим, нашу нишу займут другие, потом попробуй отбери.

Я осек его взглядом.

– Рыжий, эта ниша мне ни за какие бабки не нужна. Мы поднимемся на других вещах. Под нами два рынка, тачки приносят бабки. Еще несколько заведений в оборот возьмем, мало, что ли?

Он скривился.

– Да мелочи это все. Так, игры…

Затушил сигарету.

– Давай, брат. Мне пора.

***

Не знаю, зачем подошел. Ноги будто сами несли. В честь праздника всю аппаратуру вытащили во дворик ресторана, и теперь там отплясывали девчонки. Странно, вроде и скучать за ними должен, а нет этого. Более взрослая жизнь открывает более широкие горизонты. Ржавый как-то спрашивал меня, не жалею ли, что ушел из универа. Улыбнулся. Я уже после школы готов был бабки заколачивать, а эти три года просто делал так, как хотела мать.

И сейчас перед ней стыдно. Она ж всю жизнь меня, неуча, за уши тянула. Школа, потом в универ запихнула. Филолог, черт побери… Какой из меня филолог? Понимаю, что не оправдал ее ожиданий, зато в бабках не нуждаюсь ни я, ни она. Я знаю, что сделал верный выбор. И она его не поймет… в силу своего воспитания.

Сложные у нас с ней отношения. Я не оправдал надежд, стал как отец. Только эти слова всегда злят. По мне, так ни капли схожести с тем ублюдком нет. При воспоминаниях о папаше тут же зубы сводит от злости. Когда мне десять было, свинтил от нас. Нашел себе молодуху. Вот мать и тащит меня, считай, всю жизнь сама.

Почувствовал, как кто-то за плечо тронул.

– Вань, я не знала, что ты придешь.

Анька. В вечернем платье, с прической. Крутится передо мной. Ожидая чего?

– Я и не пришел.

Отворачиваюсь, а она за рукав дергает.

– Вань, – глаза выпучила, умоляет. – Ну хоть один танец. А?

Раздражает.

– Ань, я же сказал тебе еще там, в лесу. Все, заканчивай. Поигрались, теперь надоело. Потанцуй с одногруппником.

– Когда-то и ты им был, – произносит с высокомерием и уходит в зал ресторана.

Уже было хочу уйти, вдруг вижу Колесникову. Дергаю ее за руку, притягивая к себе.

– Ляля как?

Девчонка посмотрела на меня волком.

– А тебе какое дело?

– Че с родаками? Спокойно?

– А когда было? – усмехнулась нервно.

Бл*ть. Времени все нет разобраться с ее предками. Слышал, что они мозг ей еб*т. В последнее время закопался в делах бизнеса.

Спустился с крыльца, хотел было уйти, но заметил чуть вдалеке, у самой воды, сидящую на песке Ляльку. Худенькая, спина голая, топ едва лопатки прикрывает. Волосы длинные, спускаются волнами. То и дело бутылку к губам подносит. Да ну на х*р.

Еще не успеваю подумать, как срываюсь к ней.

Вырываю бутылку. Она оборачивается, прожигая меня злым взглядом.

– Ты ох*ел, Чиж?

Пьяная. Глаза затуманены. Какого черта? Вены скручивает от злости.

Поднялась, покачиваясь, ко мне идет. Вплотную прижалась. Так, что сиськи ее чувствую.

– Тебе хватит.

Как сдерживаюсь, сам не понимаю. Хочется наорать. Мозги вправить идиотке мелкой. Какого черта творит? Бухает посреди ночи одна в таком наряде. Совсем с катушек слетела?!

Засмеялась, отстранившись. Ляля голову резко повернула, кончики волос по лицу ударили. Запах ее вдохнул, башню к х*рам снесло. В штанах стояк. На топ ее бл*дский смотрю – соски торчат. Твою мать!

– Не могла нормально одеться? Че за шмотки?!

Ее глаза вспыхнули обидой. Всего пару секунду, а я на себя злюсь. Ну как тут сдержаться, если она как шл*ха! Представляю, как все дружки ее прыщавые облизывались.

– Как хочу, так и одеваюсь. Могу вообще снять, – схватилась за полы топа, я перехватил ее руку. Ей богу, если продолжит в том же духе, плохо ей будет.

– Только попробуй…

– А то что? – у самых губ, нагло улыбаясь. – Я тебя не боюсь, Чиж. Это они пресмыкаются, но я не буду…

Пытается отойти, перехватываю запястье, резко притягиваю к себе.

– Не боишься, потому что я разрешаю тебе делать это, Ляля. Но терпение мое небезгранично… – шепчу, а самого трясет изнутри.

Провел пальцем по нижней губе. Вздрогнула, но вырваться не пытается.

В ее глазах вдруг блеснули слезы.

– Свидиров танцует с ней! – выпалила с обидой. – С этой Дашкой! А на меня даже не посмотрел!

Свиридов… Кирпичей отложил ее женишок, стоило пацанам в гости нагрянуть. Тоже мне, нашла принца.

– Потому что я запретил ему даже смотреть на тебя… – прорычал со злостью. Надоело уже отметать всяких ушлепков от нее. Когда уже мозги включит?!

А она замерла в руках моих, испуганно смотрит мне в глаза.

– Но… почему?

Засмеялся. Бл*ть, и как ей рассказать-то все? Как показать, сколько внутри все это время прятать приходилось.

– А ты еще не поняла? За все тринадцать лет не додумалась?

Смотрит прямо в глаза мне, так пронзительно, в самую душу. И я вдруг понимаю, что все до единого доводы, держащие меня подальше… все это не работает. Плевать. Я понимаю, что больше не могу, да и не хочу сдерживать себя.

Резкий рывок, она в моих руках. Вдыхаю ее аромат, а по венам гул. Врываюсь в ее рот – стонет. Пальчиками в плечи мне вцепилась и отдается… Отдается мне! От ее вкуса мотор в груди ревет. Хочу ее. Всю.

Моя. Маленькая, дерзкая, колючая. Всегда ее любил и только ее. И разве я мог позволить Свиридову воспользоваться ей? Разве я вообще мог это кому-то позволить?!

Глава 4

Я не знаю, от чего кружилась моя голова: от бутылки вина, которую я прикончила в одиночку, или от его губ. Скорее второе… однозначно второе.

– Поехали, я отвезу тебя домой, – шепчет в перерывах между поцелуями. Я прижимаюсь к нему изо всех сил. Обнимать Чижа, чувствовать на себе его губы – словно воплотить в жизнь девичью мечту.

Все девчонки в классах фанатели от певцов, а я от него… Уже к первому курсу все стали встречаться с парнями. У Колесниковой уже огромный опыт за плечами в деле секса. А я все это время в учебу вгрызалась. Дом да универ. Все у виска крутили. Монашка, мол. А я только о нем и думала. Все эти годы в самых сокровенных снах только он был.

И сейчас мой кумир был со мной. Едва ли не признался в любви и держал в своих руках. Что я могла еще хотеть? Чтобы это не останавливалось.

– Не надо домой… давай еще побудем здесь? – прошептала, продолжая прижиматься к нему с закрытыми глазами. Я не хотела, чтобы это заканчивалось, даже если окажется сном.

Чиж уткнулся носом мне в волосы. Я касалась губами соленой кожи его шеи. Я вдыхала его запах и растворялась в тепле его тела.

На улице уже было темно. Мы стояли во дворе ресторана, обнимая друг друга… В этом моменте было намного больше, чем веселье, желание владеть. Я чувствовала его… впервые за все время нашего знакомства я понимала, что он ощущает на самом деле. Какими чувствами наполнено его сердце, его грудь. И так многое встало на свои места… Каждое его действие стало для меня понятным. Почему в тот раз он так жестко оттолкнул меня. Почему даже слова доброго не говорил все это время. Не подпускал. Сейчас я благодарила судьбу, что все именно так. Что наши недосказанности и недомолвки привели нас друг к другу. Сделали нас ближе.

– Холодно уже, Ляль. Давай отвезу, – он отстранился. Скинул с плеч ветровку и набросил мне на плечи.

Я не знала, как сказать ему правду. Да и стоит ли.

Чиж посмотрел на меня, нахмурился.

– Мать опять забухала?

Я кивнула, потупив взгляд. Мне было стыдно говорить ему об этом. Он отвернулся, тихо выругавшись. А потом прижал меня к себе еще крепче.

– Ко мне поедешь? А завтра подумаем, что делать, – его голос звучал хрипло. Я поймала себя на мысли, что готова слушать его бесконечно. Когда он так добр и нежен со мной.

– Не думаю, что твоя мама будет рада гостье, – нервно сглотнула, пряча лицо у него на груди. Чиж улыбнулся.

– У меня квартира своя, в центре. Пошли, гостья.

Мы направились к выходу. Ребята потихоньку разбредались. Чиж держал меня за руку, и я шла рядом с ним, впервые чувствуя себя королевой вечера. Я ощущала себя самой красивой и желанной. И пусть на мне были старые Катькины шмотки, а макияж потек от слез, пускай мои волосы спутанные, а на коленке свежая ссадина от того, что, поскользнувшись, я грохнулась прямо посреди танцпола, когда убегала от Антона с Дашкой. Все это были сущие мелочи. Практически все девчонки, видевшие нас, сворачивали головы и выпучивали глаза. Подумать только, со мной, с монашкой за руку идет сам Чиж! О нем же мечтает каждая из них. А он шел, словно и не замечал их жадных взглядов.

Справа мелькнула знакомая фигура. Присмотревшись, в толпе курящих я узнала Свиридова. Он не спускал с меня глаз. Но в какой-то момент Чиж вдруг повернулся и посмотрел на него. Антон тут же отвел взгляд и стал что-то говорить стоящему рядом Витьке. Мне стало противно. И за этим придурком я страдала?

– Не жалеешь? – спросил меня Чиж, открывая пассажирскую дверь своей новенькой бэхи. Я знала, что он говорит об Антоне. Наверняка заметил мой взгляд, брошенный в сторону Свиридова.

Я засмотрелась на машину. Подумать только, мы поедем на этой красотке. Ни разу на иномарках не каталась.

– Ляль, – усмехнулся Чиж. Я посмотрела на него полными восторга глазами. – Я говорю, не жалеешь, что не удалось потусить со Свиридовым?

– Неа, – улыбнулась, покачав головой.

Чиж потянулся, убрал прядь волос с моего лица.

– Ну и правильно. Потому что он с самого начала был обречен.

***

У него двухкомнатная квартира в центре. Обалдеть! Ему двадцать один, и у него квартира! Я прошлась по комнатам, Чиж скинул куртку и проследовал за мной.

– Ты можешь лечь здесь, – он бросил взгляд на двуспальную кровать. – Я не буду мешать.

Внутри все опустилось. Он уходит? Оставит меня здесь одну? Или устроится в соседней комнате?

Чиж стоял в нескольких метрах от меня, и мне казалось это расстояние огромной пропастью. Он нужен мне. Сейчас! Весь! Я хочу быть в нем, быть его. Почему он снова отталкивает меня? Что вдруг с ним произошло за время поездки? Почему снова возводит между нами стены?

Я видела, что он чувствует себя неловко, неуверенно. Никогда не видела его таким.

– Я тебе сейчас полотенце дам. Душ по коридору направо.

Я не знаю, что ответить. Просто киваю. К глазам подступают слезы, я просто делаю то, что он велит. Принимаю из его рук полотенце и иду в ванную.

Мне больно. В груди горит. Я открываю рот и набираю холодной воды. Я дрожу. Но специально не поворачиваю вентиль. Мне нужно прийти в себя. Сбросить дурман алкоголя и рационально поразмыслить.

Только мозг напрочь отказывает, а сердце в груди стонет, умоляя быть ближе к нему.

Я выхожу из кабинки, вытираюсь отданным им полотенцем. Оно такое мягкое, нежное. Осматриваюсь вокруг, здесь все так красиво, столько разных

предметов: от шампуней до мыла. Откуда все это? Такое чувство, будто здесь живет девушка. А может, его мама наводит здесь порядок? Вряд ли. Усмехаюсь собственным мыслям. Даже представить не могу, что Чиж будет обращаться с подобной просьбой к своей маме.

Вытираю волосы, умываюсь. Придирчиво осматриваю свою наготу в зеркале. Почему он отказывается от меня? Почему все это время мы не вместе? Хватит. Я хочу прекратить это. Если уж выбирать, то лучше я буду с бандитом, чем с трусливым и правильным Антоном.

Надеваю трусики, оставляя грудь обнаженной. Прикрываю ее влажными распущенными волосами и с колотящимся сердцем выхожу в комнату.

Я знаю, что так навязываюсь сама. И я не хочу об этом думать. Я просто хочу провести эту ночь с Чижом. И будь что будет.

Он на диване. Я дрожу каждой клеточкой тела. Смотрю в его глаза, останавливаясь прямо посередине комнаты. Его взгляд жадный, он сканирует мою фигуру, а когда он возвращается к моим глазам… я вижу в его омутах злость.

– Вау, – раздается за моей спиной надменный женский голос.

Вздрогнув, оборачиваюсь и вижу Аню, сидящую в кресле в другой стороне комнаты.

– Вот оно что, – присвистнув, она поднимается. – Из-за нее ты сегодня не сопроводил меня на праздник? Из-за нее мы поссорились? Из-за сорока килограмм недоразумения?

Мне холодно. И неуютно. В любой ситуации я бы послала Аню. Но сейчас я голая стою перед ними и чувствую себя униженной. Чувствую себя полной идиоткой.

– Пошла к черту, Аня. По-хорошему. Ей богу, не зли меня, – голос Чижа словно натянутая струна. От надменного взгляда Ани не по себе. Я показала ей все… она видит каждый из шрамов на моей спине. И от этого я чувствую себя растоптанной.

***

Я чувствую, как на мои плечи падает что-то теплое. Его куртка. Я кутаюсь в нее. Чиж пытается меня обнять, а я отталкиваю его и срываюсь в ванную, сгорая от стыда.

Я слышу, как он кричит на нее. Спустя несколько секунд громко хлопает дверь. Но мне плевать. Я судорожно натягиваю свои вещи. Распахнув дверцу ванной, срываюсь в коридор.

Но не успеваю пройти и двух шагов, как Чиж ловит меня.

– Ляль, не дури… – он прижимает меня к груди.

– Выпусти, Чиж… Это слишком. Все слишком.

В моих глазах слезы и я ненавижу себя за эту слабость.

Он улыбается. И смотрит на меня так, словно я сморозила чушь. Может это и так. И не стоило делать подобный шаг. Я жалею, что согласилась поехать с ним.

Я отворачиваюсь от него. Не хочу смотреть, мне стыдно и больно. Так, в полной тишине мы стоим несколько минут.

– Ля-я-яль, – зовет он шепотом. – Посмотри на меня, девочка.

– Дай мне уйти. Я хочу уйти.

– Посмотри на меня, – повторяет уже с нажимом.

Он убирает одну руку с моей талии, тянется к моему лицу. Воспользовавшись моментом, я пытаюсь вырваться, но Чиж резко прижимает меня к стене. Его пальцы берут в захват мой подбородок. Он все таки заставляет посмотреть в свои глаза.

– Аня зашла по делу…

Я пытаюсь отвернуться, но он не дает.

– Да плевать, Чиж. Прости, я просто перепила. Я хочу домой.

Он злится. В глазах пламя, губы вытягиваются в тонкую линию.

– Ты меня слышишь?! Ее брат отправил ко мне! Нужно было срочно передать информацию!

– Поэтому она рассиживалась у тебя в комнате?!

Прикрывает глаза. Выпустив мой подбородок, опирается ладонями о стену, все еще держа в своем плену.

– Ляль, совпало все по-идиотски. Она несет пургу, слышишь…

Мне плевать. Чтобы он сейчас не сказал, я хочу только одного – свалить. Закрыться в свой кокон и не вылезать.

– Я хочу уйти.

Он обхватывает ладонями мои скулы, всматривается в глаза мне.

– Ляля, что у тебя в голове, ну? Говори мне, девочка. Я устал. Я не пойму ничего…

Мне так обидно! Слезы душат. Не поймет он ничего. Да он никогда ничего не понимает!

– Мне двадцать, а я все еще девственница. Серая мышь, монашка. Это все я!

Губы кривит горькая улыбка. Самые постыдные комплексы и страхи, я выворачиваю себя наизнанку.

– Тот поцелуй, он был первый… Аня права. Я – недоразумение.

Чиж кривится. Я противна ему? Или он смеется?

– Какая же ты дурочка. – укоризненно качает головой. Чиж упирается лбом в мой, перемещая руки мне на затылок.

– Ляль, да я с первого класса, как увидел тебя в коридоре школы, плачущую, с двумя белым косичками… самую высокую и худую. Я уже тогда понял, что это навсегда. Ни о ком, бл*ть, слышишь? Ни о ком не думал. Каждый год школы, а потом универ… Я люблю тебя, Ляль. И никого кроме тебя…

Его губы так близко. Мое тело горит в его объятиях. А его слова словно ток по венам. Я не верю. Я хочу, но не выходит. Настолько разнятся его слова со всем, что происходило между нами…

– А как же они все? Твои девушки.

Чиж морщится.

– Их нет для меня. Ни одной, Ляль. Я тебя ждал, когда сама решение примешь… Со мной ведь спокойной жизни не будет, ты бы знала, сколько на глотку себе наступал, желая тебя оградить. Зачем оно?

Я плачу. У меня просто нет слов. Мы оба такие потерянные, вывернутые наизнанку наконец-то рядом. Наконец-то открылись… Провожу руками по его лицу, колкая щетина царапает ладони.

– А меня спросить, Чиж? – нервно усмехаюсь. – За меня вот так все решил… а я все это время… только мыслям, что о тебе…

– Т-ш-ш, – касается губами влажной дорожки на моей щеке. Стирает ее.

– Прости меня, – у самых губ. – Прости, Ляль. Только ты. Всегда была только ты.

Его губы касаются меня. Его поцелуй нежный, а я умираю внутри от того, насколько это запредельно. Обнимаю Чижа, забираясь под ткань футболки. Царапаю его спину, желая раствориться в нем. Любимый. Всегда им был. Сколько помню себя, я его была. Сколько раз в самых потаенных снах я

отдавалась ему. И каждое утро без него было горьким и холодным.

Он подхватывает меня на руки и несет в спальню. Чиж снимает с меня одежду. Отстраняется, когда мой топ лежит на полу. В свете луны, бьющей из окна, я как на ладони. Он тянется ко мне, проводит пальцем по полушарию груди, а я дрожу.

– Если не захочешь, я остановлюсь, слышишь?

Я вижу в его глазах бездну. Он хочет меня. По-мужски, по-взрослому, больше никаких глупых отговорок. Я нравлюсь ему. Он словно мысли мои читает.

– Ты такая красивая, – шепчет, приближаясь. Его губы касаются моего плеча, и от его поцелуев все тело горит огнем. Я не знаю, как это будет. Не знаю, насколько больно или приятно. Я не знаю, что нас ждет завтра, но я уверена, что хочу этого как ничего другого. Он мой первый. Всегда был. И никого больше.

Чиж опускает меня на кровать, скидывает с себя одежду. Я смотрю на его наготу, пылаю от стыда, когда мои глаза опускаются на его огромный вздыбленный член. Я думаю о том, что он такой большой, а я такая маленькая. Мне страшно, но это всего доля секунд. Я гоню прочь эти мысли, потому что верю ему. Чиж не сделает мне больно. Только не он.

Растворяюсь в нем. В его ласках, в новизне ощущений. В колких мурашках от касаний его языка к коже. Я – новая. Никогда не чувствовала подобного и понимаю, что хочу этого.

Он осторожен и ласков. Опираясь одной рукой о матрац, он ласкает меня. То и дело останавливаясь и отстраняясь немного для того, чтобы полюбоваться мной.

– Теперь ты моя. Ты ведь это понимаешь? – шепчет, поглаживая внутреннюю часть моих бедер. Я обнимаю его за шею и растворяюсь в его глазах. Я тону в них, думая о том, что я давно уже его. С первой встречи.

Мой мужчина. Моя любовь. Моя защита и стена. Он тот, о ком я думаю, когда мне плохо и когда хорошо. Он тот, кого я готова ждать, но ничего не ожидать взамен. Кому я хочу верить и доверять. Он тот, с кем я хочу быть рядом, подле,

но не за ним. Я хочу идти вперед, держа его за руку, но и удерживать не стану. Потому что понимаю как никогда – он моя жизнь.

Боль была вспышкой. Но я не хотела его останавливать. Уткнувшись носом в его плечо, я пряталась в его аромате, в жесткости короткого ёжика волос, в крепости его мышц и в жарких поцелуях. Не знаю, как он сдерживался и как сложно ему было. В какой-то момент он зарычал, сильно вцепившись пальцам в мои плечи. Я чувствовала его, когда он содрогался во мне, когда кончил. Я впитывала каждую его эмоцию, я растворялась в нем.

Глава 5

– Ты как?

Он осторожно вышел из меня. Стянув резинку, поднялся и вышел из комнаты. А когда вернулся, заботливо укрыл одеялом. Мне было так хорошо, даже глаза открывать не хотелось. Окруженная его запахом, в крепких объятиях Чижа – разве может быть что-то прекраснее? Я устроилась у него на груди.

– Тебя нужно искупать. У тебя кровь… – раздался его тихий голос в темноте.

– Сейчас пойду, – прошептала и прикрыла глаза в удовольствии. Он не спал. Я чувствовала, как водит пальцами по спине. Нежно так, словно изучает.

– Откуда шрамы?

Его голос стал напряженным. Приподнявшись на локтях, он внимательно рассматривал мою спину. Вот и вся легкость куда-то пропала. Тут же стало холодно. Я не хотела, чтобы он заставлял меня говорить об этом.

– Оттуда, – буркнула недовольно, потянув на себя одеяло.

– Ляля, – рычит, не давая мне спрятаться.

Отбиваюсь от него. Подскочив с кровати, хватаю первое, что попадает под руку, и напяливаю на себя. Это оказывается его футболка.

– Чиж, отвали. Все хорошо было, надо же все испортить!

Выбегаю на балкон. Вижу на подоконнике пачку сигарет. Подкурив одну, втягиваю полные легкие дыма, выпускаю в небо. Вдруг его пальцы вырывают из моих рук сигарету. Он прижимается ко мне, блокируя пути отступления. Его губы касаются моей шеи.

– Ты больше не куришь. Не пьешь. Все поняла? – шепчет, осыпая поцелуями кожу. Я оборачиваюсь, смотрю в его глаза.

– Это почему?

– Потому что ты моя. И я не хочу, чтобы ты травила себя этой дрянью.

Я начинаю смеяться. Он даже не представляет, о чем говорит.

– В моей жизни столько дряни, Чиж. Если ее убрать, то ничего и не останется…

Чиж ни на секунду не сводит с меня напряженного взгляда.

– В твоей жизни с этого дня не будет места ни для какой дряни. У тебя будет все самое лучшее, ты поняла? – он обхватывает ладонями мое лицо, всматривается в мои глаза. А я понимаю, что дышать не могу. Слишком много эмоций. Страшно поверить. Если что-то пойдет не так – я просто не переживу.

На глазах выступают слезы.

– Почему? – слетает на выдохе.

Он стирает пальцами влажные дорожки с моих щек, его губы кривит улыбка.

– Потому что ты моя. И теперь тебе не нужно не о чем беспокоиться…

– А вывезешь? Такую, как меня? Не проще ли мутить с подобной Ане. Беспроблемной…

Прищурившись, притягивает к себе. А когда его губы практически касаются моих, он выдыхает.

– Хватит бегать. Отпусти уже все дерьмо и просто будь рядом…

Я киваю, а Чиж целует меня так, словно от этого поцелуя зависит его жизнь. И я понимаю, что больше не хочу сопротивляться, не хочу отгораживаться. Я позволю этому случиться, я хочу хотя бы раз в жизни поверить в чудо. А почему бы и нет?

***

Он всю дорогу загадочно улыбался. То ли тому, как сильно я обливалась слюнями по его тачке, с интересом рассматривая каждую деталь салона, то ли просто я кажусь ему смешной. Чиж перестал это делать, только когда я сделала ему замечание.

– Может, лучше сейчас забрать твои вещи? А потом уже к деду наведаемся? – Чиж берет мою ладонь и подносит ее к губам.

По коже бегут мурашки от столь незатейливой нежности. На моем лице снова дебильная улыбочка.

– Я волнуюсь за деда. Два дня у него не была…

Чиж кивает. Я смотрю на то, как уверенно он ведет машину только одной рукой, смотрю на напряженные мышцы его крепкой шеи, смотрю на его красивый профиль и внутри будто цветок распускается, щекоча меня своими лепестками. Непривычное, но завораживающее ощущение. И я впитываю его по капельке, желая запомнить.

Чиж паркуется у калитки, мы выходим на улицу. И как только мы заходим во двор, сердце тут же бухает куда-то вниз. Я вижу дедушку. Он в дальней стороне двора лежит на траве. Срываюсь к нему. Слышу, как Чиж бежит сзади. Подбегаю, а мыслями молю, чтобы живой был.

– Дедуль, – я беру его за лицо. Глаза открыты, выдыхаю. Живой!

Дедушка хватается костлявыми пальцами за мои предплечья. Тут же подбегает Чиж и помогает мне его поднять.

Мы ведем деда в дом, укладываем в кровать. Чиж рядом и выглядит таким же взволнованным. Я бегу на кухню за тонометром, а когда захожу обратно, дедушка уже сидит. Смотрит строго на стоящего рядом Чижа.

Игнорирую его недовольство, устраиваюсь на матрац.

– Дедуль, надо давление померить.

– Не надо, – отталкивает тонометр вместе с моей рукой. – Поскользнулся я, краску разлил и упал. Как раз ты приехала.

– Дед, ну я же говорила тебе, что не надо без меня красить. Ну зачем полез?

– И что мне теперь ждать тебя неделями? А забор ободранный, люди ходят, смотрят, думают, что здесь алкаши какие живут, а не приличные люди.

Я выдыхаю. Бурчит, значит, действительно с ним все в порядке . Поднимаю глаза на Чижа и понимаю, что так и не познакомила его с дедулей.

– Дед, познакомься, это Ваня. Мой… друг.

Чиж недобро прищуривается. Я пожимаю плечами. Ну не поворачивается у меня язык представить его дедушке женихом. Чиж протягивает руку деду.

– Иван, я люблю вашу внучку с третьего класса, – выпаливает махом, а я с головы до ног краснею.

Дедуля пожимает ему ладонь, при этом сильно стискивая ее. Мне хочется рассмеяться. Уже старый совсем, а замашки все те же.

– Анатолий Филиппович. Это хорошо, что любишь… – произносит задумчиво, не сводя с него взгляда. – А где учишься или работаешь?

– Дедушка, – цокаю. – Ты давай отдыхай, я пойду покушать нам сделаю. А потом и забором твоим займусь.

Дед послушно кивает. Только вот Ваню не отпускает от себя. Так что на кухню я отправляюсь в гордом одиночестве.

Приготовив омлет, поджариваю колбасу и режу салат. В огороде срываю свежую зелень. Когда прохожу обратно в дом, замечаю этих двоих. Они уже подле забора. Чиж красит, а дедуля сидит рядом, что-то рассказывает.

Решаю накрыть стол на улице. Сервирую его и зову кушать.

Дедушка весь завтрак вспоминает свою молодость и годы службы в армии. Чиж слушает его, с аппетитом поедая приготовленное мной. А мне так дивно смотреть на все это. Еще вчера я даже представить не могла, что Ванька будет сидеть с нами, что будет обнимать меня украдкой под столом, дабы не видел дед. Я покосилась на него. Чиж выглядел сейчас совсем иначе: улыбка на его лице была такой лучезарной, а глаза добрыми. Сейчас я увидела в нем снова того мальчишку, решившего проводить меня из столовой обратно в класс. Потому что я потерялась и упустила своих ребят. Стояла и заливалась слезами, пока он не спас меня. Вот так просто протянул свою ладонь и повел меня наверх. А я и пошла, доверившись ему. Я всегда ему доверяла без оглядки. От того, может, что влюбилась.

– Может, по сто грамм? У меня отличная настойка есть, – дед потирает руки. А я закатываю глаза.

– Дедушка, ну еще утро.

Чиж улыбается, подмигивая ему.

– Ален, сгоняй в погреб, принеси.

– Дед, ну ты даешь! А вдруг плохо станет?!

Он осекает меня строгим взглядом.

– Я что тебе сказал, старших слушай!

Бурча себе под нос, отправляюсь в погреб. Ставлю перед ними стопки и наполняю их алкоголем.

– Все, дедуля. Больше нельзя… – остальное прячу.

Дед отмахивается, чокаясь с Чижом.

– Забор к вечеру готов будет, дед Толь. Пацанов пришлю, за час все сделают.

– Мне не за час надо, хорошо надо. А то знаю я, как они сделают.

– Ты не переживай, они ответственные у меня. Все красиво будет.

Чиж прижимает меня к себе.

– Ляль, ты, оказывается, очень вкусно готовишь.

Я смущенно опускаю глаза в пол. У Чижа начинает звонить телефон. Мы с дедулей удивленно смотрим, как он достает из-за пояса мобильный. Никогда не видела так близко эти штуки. У нас только стационарный. Извинившись, Чиж отходит в сторону.

– Чем ты говоришь, он занимается? – спрашивает меня дед.

Я пожимаю плечами. Вот что ему скажешь?

– Бизнес, дедуль.

Дед кивает. Уверена, что все понял и так. Дедушка берет мою ладонь, сжимая.

– Хороший он парень, Ален.

Перевожу на него взгляд. Я настолько шокирована – не знаю, что и сказать. Чтобы дедушка кого-то похвалил… он меня то раза два за всю жизнь…

Чиж возвращается к нам, устраивается рядом.

– Забор переносится на завтра. Но все сделаем, дед Толь, ты, главное, не переживай. Нарисовались дела срочные.

Чиж переводит на меня взгляд.

– Ляль, мне уезжать нужно. Хочешь, я тебя подброшу к себе…

– Нет, я дела все сделаю. Вечером приду, ты же вернешься?

Он кивает.

Чиж прощается с дедулей и мы выходим с ним.

– Держи, – он протягивает мне ключи. – Квартира твоя. Заходи и будь полноценной хозяйкой.

Я улыбаюсь. Обвив шею, тянусь к нему и целую. Чиж сгребает меня, углубляя наш поцелуй.

– Я буду скучать…

– Ляль, за вещами сама не ходи, ладно? Я приеду и сгоняем. Либо завтра.

Я киваю. Не хочу думать об этих глупостях. Хочу поскорее увидеть его.

Он улыбается. Проводит пальцем по очертаниям моей брови. Снова целует.

– Если хочешь, вечером сходим куда-нибудь, – выдыхает в губы.

Морщусь.

– Неа. Хочу дома с тобой. Никуда не хочу…

Чиж садится в машину, а я все еще стою и смотрю ему вслед. Машина отъезжает. Она уже скрывается из виду, а я даже не шелохнулась. Кажется, словно это не по-настоящему. Будто сон. И если это так, я не хочу просыпаться.

Глава 6

– Ален, ну ты даешь… – улыбается подруга, пробуя кусок пирога, который я только что достала из ее духовки.

– Ты бы видела Антона, он такой раздавленный был, когда мы рассвет встречали, – а теперь в Катькином голосе сострадание.

У меня же другие мысли на этот счет.

– Вообще не жалко. Сам виноват. Если нравится кто-то, надо бороться. А вообще, знаешь, я даже рада, что все так вышло. Если бы Антон проявил храбрость и остался со мной, сейчас я не стала бы девушкой Чижа…

Произнесла это и почувствовала, как щеки румянцем заливает. До сих пор мурашки от одной только мысли о нем.

– Мне до сих пор не верится. Чиж… Это тот, кого боятся все. Самый крутой и опасный… и вы вместе… Лен, ты поймала свою синицу, – улыбнулась мечтательно подруга.

Вдруг раздается звонок стационарного телефона. Катюха хмурится.

– Наверняка отец. Едет домой, проверяет, как я.

Она поднимается из-за стола и уходит в комнату, а я закрываю глаза, вспоминая наш последний поцелуй с Чижом. Он так нежно обнимал меня…

– Ален, – в дверях появляется Катя. Подруга выглядит растерянной. – Там… это… Чиж тебя.

Удивлённая, но безумно радостная, подскакиваю со стула и несусь в гостиную. Хватаю трубку телефона, лежащую на столе.

– Так и знал, что ты у Катюхи, – в голосе Чижа улыбка. Я слышу на заднем фоне мужские голоса и смех. Кажется, будто они где-то в ресторане или кафе.

– Дедуле помогла, решила зайти к ней. Ты ведь занят до вечера.

Он молчит.

– Я дико соскучился, – теперь его голос звучит более приглушенно. А у меня улыбка до ушей.

– Когда вернешься?

– Еще пару встреч, потом пацаны идут в клуб. Сегодня туса намечается. Если хочешь, мы можем тоже оттянуться.

Бросаю взгляд на Катюху. Она кивает, улыбаясь.

– А подругу я смогу взять?

– Почему нет, – смеется Чиж. – Тогда будь у нее, я заеду вечером.

Слышу крики парней.

– Чиж, давай сюда, уже мясо подали!

Я кладу трубку и еще несколько минут стою с глупой улыбкой.

– Я так и не поняла, мы идем на тусовку? – спрашивает Катя.

Я смотрю на нее и киваю. Она начинает прыгать и визжать от радости.

– Ляль, нас же не тронут, да?

Катя вдруг замирает и хмурится. Я улыбаюсь.

–Катюш, теперь даже посмотреть не так испугаются.

Мы с Колесниковой доедаем пирог и решаем, что надеть вечером. Я понимаю, что за вещами все равно придется идти. Да и лучше это делать самой. Если вдруг дома окажется мама, Чиж не сможет спокойно смолчать. Будет скандал.

– Ты куда? – спрашивает подруга, выходя из душа с полотенцем на голове.

Я как раз обуваюсь.

– Шмотки заберу, к тебе перетащу. Как раз вечером Чиж и заберет.

Катя хмурится.

– Ален, ты уверена? А если отчим дома будет?

– Нет его. Он сегодня на смене, я посчитала. И на домашний позвонила, никто не взял. Не переживай, я быстро. Все заберу и можно будет забыть об этом доме навсегда.

– Новая жизнь? – улыбнулась Катя.

Все именно так. Я сегодня весь день будто на крыльях летаю. Все с нуля, и все горизонты открыты, потому что крепкое плечо рядом. Чиж, он ведь как стена нерушимая. Вместе мы сможем все. Я уверена в этом!

Пройдя до калитки, отворила ее. Помахивая хвостом, к ногам подбежал Дружок.

– Привет, родной, как дела? – обняла собаку. Подумала о том, что Дружок – единственный, кого мне будет не хватать. Но забрать его некуда.

Повернув ключ в замке, прошла внутрь. В доме был полный беспорядок: на полу в гостиной валялся сломанный стул, стол был завален пустыми бутылками и остатками еды. Меня затошнило.

Стараясь не думать и не обращать внимания, я проскочила в свою комнату. Достав с верхней полки спортивную сумку, принялась закидывать в нее свои вещи. Схватив с письменного стола две фотографии в рамке – папы и сестры, отправила их туда же. Осмотрелась. Сняла со стены белого плюшевого зайца, это отец подарил нам с сестренкой. Ее заяц с ней, а мой… он всегда будет со мной. Это наша связь с Марусей.

Я уже направилась к выходу, как вдруг открылась входная дверь. На пороге стоял отчим. Выглядел он погано: недельная щетина, красные безумные глаза. В его руках был пакет.

– О, смотрите, кто пришел, – он улыбнулся, оголяя ряд испорченных кариесом зубов.

Мне стало не по себе. Черт, все-таки не на смене. Я подняла на него уверенный взгляд.

– Слушай, дай пройти.

Он опустил взгляд на мою сумку.

– А че так? Уходишь, даже не сказав папочке «прощай»? – отчим прошел в комнату, закрыв за собой дверь. Я старалась не подпускать его к себе.

– Слушай, достаточно. Правда. Давай я уйду, и мы замнем все конфликты…

Я делаю шаг назад, а он наступает.

– Ты че злая такая, а? Давай по-человечески сядем, выпьем. Я вон беленькой принес, – он поднимает в руках пакет, в этот момент я срываюсь к дверям. Но не успеваю добежать, эта верзила перехватывает меня, беря в захват.

– Ну, куда же ты, а? – его руки начинают шарить по моему телу, я пытаюсь отбиться – кусаю его, толкаю, но все без толку.

– Уберись от меня, бл*ть! – кричу, понимая, что он не отступит.

– Иди сюда, сука, – он буквально наваливается на меня, сбивая с ног. Я лечу на пол, больно ударяясь плечом. Эта сволочь залезает на меня, пытаясь содрать джинсы.

– Отпусти, ублюдок! Отпусти! – мой крик превращается в вой. Потому что понимаю – я бессильна. Он огромный, в нем массы больше меня в четыре раза. Но я также осознаю, если это случится – мне конец. Я просто не перенесу этого. Поднимаю вверх руку и, схватив первый попавшийся предмет, бью им по голове уроду. Тяжелая статуэтка лошади. Он сваливается с меня с грозным шипением, а я, схватив сумку, выбегаю из дома.

Молочу подруге в дверь, судорожно осматриваюсь назад. Катька выходит через пару минут. Забегаю во двор, отталкивая ее, закрываю за собой калитку.

– Что случилось?

Игнорирую ее вопросы. Проскальзываю в дом. Сбросив на пол сумку, даю волю слезам. Обессиленно спускаюсь по стенке, крича во все горло. До сих пор места там, где касались его отвратительные лапы, горят огнем. Меня тошнит и трясет.

– Ален, я ведь говорила тебе, не иди сама…

Я не хочу говорить об этом. Я хочу в душ. Смыть его отвратительный запах, смыть воспоминания об этом доме и забыть навсегда.

Прохожу в ванную, скидывая с себя одежду. Ужасаюсь тому, что вижу в зеркале: на скуле уже налился синяк и огромная царапина, до плеча вообще больно дотронуться. И, кажется, оно начало опухать.

Предплечья в следах от хватки его пальцев, черт. Как мне теперь показаться Чижу на глаза? Он же увидит и спросит. И я знаю, что так просто он не оставит. Как бы проблем себе не нажил. Отчим – та еще тварь. Несмотря на то, что алкаш, еще может натворить гадостей.

Принимаю душ, думая о том, как сегодня избежать встречи с Ванькой. Вдруг в дверь начинает тарабанить Аленка. Закутавшись в полотенце, выбегаю к ней. Она напугана.

– Там Чиж во дворе.

У меня внутри леденеет все. Я хватаю ее за плечи, с мольбой заглядывая в глаза.

– Катя, милая. Не впускай его, пожалуйста. Скажи, что я заболела и легла спать. Соври что-нибудь, но не впускай.

– Ты что? Да он просто прибьет меня, Алена! Иди и скажи ему правду!

На глаза выступили слезы.

– Нет, ты не понимаешь! Он убьет отчима!

– Ну, туда ему и дорога!

– Катя, пожалуйста. Мне стыдно признаваться в этом. Я ушла, забрала вещи. Больше там не появлюсь. Это в прошлом. Давай просто замнем эту историю. Я не хочу, чтобы Чиж видел, в какой семье я росла!

Колесникова стояла на своем.

– А то он не знал твою семью!

Она не понимает!

– Одно дело догадываться, а другое … Я для него сейчас принцесса нежная, а после того, как узнает… и отношение будет другое. Еще хуже, если жалеть меня начнет.

Я заглядываю ей в глаза, бесшумно шепча слова мольбы. Она прикрывает глаза, собираясь с силами.

– Ладно.

Катя выходит за дверь, а я припадаю к стене, прислушиваясь к происходящему на улице.

– Че ты несешь? – раздается напряженный голос Чижа. – В смысле, заболела? Дай пройти!

– Нет, Чиж, там мой папа!

– Да мне насрать!

Вдруг раздается грохот. Он выбивает дверь, а я испуганно застываю в проходе. Чиж заходит в комнату, его напряженный взгляд сканирует мою фигуру. И я вижу, как с каждой пройденной секундой его глаза наполняются тьмой.

Глава 7

– Кто?! – ревет так, что в ушах становится больно.

Я спешу отойти подальше от него. Ухожу в другую комнату, а лучше бы в другой город сбежать. Я не знаю, что он сделает в следующий момент, и его агрессия пугает меня.

– Никто, – бросаю через плечо. По щекам слезы, мне так стыдно, так обидно! Он идет за мной. Я захлопываю за собой дверь в спальню Кати. Но разве для него это может быть помехой? Едва ли не выбивая ее, Чиж проходит следом.

– Ляля, что случилось?!

Он кричит и наступает, а моя спина уже упирается в стенку. Все. Больше некуда бежать.

Молчу. Зябко обнимаю себя за плечи, глотая слезы.

Чиж рядом. Подцепляет пальцами подбородок, слегка поворачивает мою голову, всматриваясь в наливающийся синяк. В его взгляде остается все меньше человеческого, мне страшно.

– И часто так?

Не отвечаю. Зачем? Раньше не волновало, а сейчас все закончилось. Я не хочу выворачивать грязное белье наизнанку. Пусть оставит мне немного свободы, пусть оставит хоть каплю чего-то личного и тайного. Но это был бы не Чиж, если бы не содрал с меня кожу, если бы не оголил самые постыдные секреты. Подбородок дрожит, в глазах слезы. Он даже не понимает, как делает больно.

Чиж опускает голову, смотрит на спортивную сумку с вещами, которая лежит у моих ног.

– Ясно, – цедит сквозь зубы и разворачивается к выходу.

Мороз по коже от понимания того, что он собирается делать. И злость вспыхивает. Как он смеет?! Зачем так поступает со мной! Разве я просила об этом? Разве хотела поднимать эту грязь?

– Чиж, нет! – цепляюсь за его толстовку, пытаясь остановить. Но он отталкивает меня, срываясь к дверям.

– Не надо! Слышишь?! Я не хочу, не делай так! – кричу слезно.

Обернувшись, он яростно смотрит на меня.

– Не делать чего?! Почему ты не сказала? Какого хера пошла туда?!

Прикрываю ладонью рот. Отступаю на пару шагов, потому что боюсь его такого. Когда во взгляде чернота, а в голосе столько злости.

– Я прошу, не надо, слышишь… – ломающимся голосом.

Он отталкивает меня. Так грубо, будто я грязная, испорченная. Ну, вот и все. Вот так быстро прошла нежность? Думал, что Ляля чистая и невинная? Но моя девственность не значит абсолютно ничего. Я столько грязи повидала, самой порой противно. И все, что я хотела – просто вылезти из этого болота. Но разве может быть шанс для такой, как я?

Мне больно из-за его поведения. Он поступает со мной по-свински. Если Чиж думает, что так он защищает меня – это огромное заблуждение.

– Это только твое эгоистичное желание! Слышишь?! – кричу, следуя за ним в коридор. Чиж снова замирает, стискивает кулаки.

– Ты все это время не подпускал меня к себе! Я жила с этим! Я привыкла с этим справляться. А теперь ты вдруг начинаешь играть роль защитника? Не надо! Слышишь, это я говорю тебе! Я НЕ ХОЧУ! И если ты это сделаешь, знай, что мне будет больно, Чиж!

Он смеется.

– Ох*енно ты придумала. Вот так взять и сбросить всю вину на меня. И что, бл*ть, прикажешь делать? Сидеть сложа руки и смотреть, как какой-то у*бок гасит тебя?

Подхожу к нему, заглядываю в его глаза, чтобы понял, чтобы прочувствовал каждое слово, а не пропустил мимо ушей.

– Я с тобой. Этого больше не будет. Я не хочу проблем ни тебе, ни себе. Не делай этого, Вань.

Его лицо кривится.

– На х*й. Просто на х*й, Ляля! – цедит гневно сквозь зубы. – Возвращайся в квартиру и будь там. Если не хочешь, чтобы я половину города разнес.

Я не могу поверить своим ушам. Прижимаю к груди руки, снова чувствуя себя маленькой брошенной девочкой.

Слезы текут по лицу. Я говорю хрипло и тихо.

– Ты все ломаешь, Чиж. Ты все портишь сейчас…

Он даже не оборачивается. С оглушительным грохотом захлопывает дверь, которая едва не слетает с петель. В этот момент я думаю о том, что также он поступает с моими чувствами.

Чиж

Это была четвертая по счету сигарета. Подкурил, затянулся дымом. Ни капли не отпустило. Где его, бл*ть, носит? Достал телефон, заметил, что руки трясутся. Нервы ни к черту. Вдалеке раздался мотоциклетный гул.

– Ты из северного полюса добирался?

Ржавый стянул с головы шлем.

– Ага, из Магадана, – заржал идиот.

– Типун тебе на одно место. У тебя кастет с собой?

Друг покосился недоверчиво.

– Это кто вчера стебался весь вечер? Типа с кастетами лохи на базаре у бабок семки отбирают.

Я осек его взглядом. Ржавый тут же заткнулся, протянув мне свою вещь. Ляля выбесила до трясучки. Заступается за муд*ка этого. Какого черта?! Едва ли не разрывом угрожает, если трону долб*еба. В своем уме?! Какого вообще молчала? И зачем поперлась домой одна, если знала, чем может кончиться?!

Я был дико зол. Знал, если хоть на минуту остался бы с ней, наговорил бы или сделал такого, за что потом стыдно было.

– Ну че, мы на тусовку идем? – из размышлений вырвал голос Ржавого.

– Слушай, там танцовщица эта, Оля, спрашивала о тебе. Видать, понравилось сучке, как ты ее натягивал в прошлый месяц.

Я завел байк, надевая шлем.

– Олю на себя можешь взять. Поехал, пид*ра одного проучим и свободен до завтра.

Ржавый кивнул, задумчивая улыбка скривила его губы.

–П*доров учить, это я всегда «за», – произнёс довольно, надевая экипировку.

***

Разнеся калитку и входную дверь, ворвались в дом. Ублюдок сидел за столом с парочкой дружков. Бутылки, срач и полный п*здец. Меня замутило. Твою мать! И в этом гадюшнике она жила!

И я идиот. Надо было давно ее забрать оттуда. Знал, что у нее конфликты с предками, но не думал, что все обстоит именно так. Надо было еще тогда, после смерти ее сестры, Ляльку под крыло взять. Сколько же она прошла, живя бок о бок с этим ничтожеством?

– Эй, вы кто такие?! – заморосил ее отчим, поднимаясь из-за стола с ножом в руках. Надел кастет на руку. Пока Ржавый оприходовал его дружков, рванул к ублюдку. Выбил с ноги тесак из его рук, еб*нул ему в бороду. А потом снова. Собака, закрыл свою рожу руками, никак пробить не могу. А у самого адреналин по венам скачет и нервы на пределе. Как вспомню синяки на ее лице, так убить хочется.

– Ну, ты, бл*ть, чего прячешься-то? – усмехаюсь, ударяя ему в корпус. Тот начинает кашлять, с шумом вдыхая воздух. – Мы тебя бить пришли. А ты закрываешься. Как же я тебя побью?!

Он что-то бурчит под нос. Схватил за воротник. Ублюдок пялится на меня потерянным взглядом.

– Если еще раз хотя бы попробуешь тронуть Алену, если хотя бы посмотришь на нее, я из твоей жопы общежитие сделаю, а потом кишки твои выпущу и прямо перед домом намотаю, чтобы жёнушку твою порадовать, – саданул ему в морду.

Тот скривился, схватил меня за шею.

– Да она сама на меня лезла. Она же шл*ха конченая, – заржал урод, оголяя окровавленные зубы. – Ты уже ее трахнул, да? Сосет она отменно.

Внутри закипело все. Последние клеммы сорвало.

Поднял его над столом. Внутри нарастал гул. Я чувствовал, как гнев буквально разрывает меня изнутри. Схватив его ладонь, уложил ее на стол. Выхватил нож из полуоткрытой консервной банки и вогнал его в ладонь уроду, вбивая ее в стол. Он заорал.

– Че ты орешь, как свинья резаная? Когда трогал ее, храбрым был, да?

Схватил его за глотку. Придурок корчился в конвульсиях.

– Хотя бы пасть свою раззявишь – угандошу тебя и женушку твою, понял меня?

Тот заскулил. Тряхнул еще сильнее.

– Понял?!

– Да понял, понял.

Выпустил его. Вытер руки полотенцем, швырнул его обратно. Огляделся. Два дружка сидели, прижавшись к стенке, с подбитыми рожами и дрожали. Ржавый откровенно скучал в дверях.

– Ты закончил, Чиж? А то на тусу опаздываем.

Прошел мимо него, доставая из кармана сигареты.

На крыльце набрал Степу.

– Ну что?

– Все, как ты и просил, Чиж. Отвез ее в квартиру. Злая, думал, волосы мне повыдергивает.

– Ты же лысый, – усмехнулся, сбросив вызов.

Руки до сих пор трясутся. Понимаю, что в таком виде к ней лучше не идти.

– Олег.

Друг поднимает на меня глаза.

– Поехали в клуб. Пора накатить…

– Ты же не пьешь, – Ржавый застывает в удивлении.

– Не пью. Но сейчас безопаснее будет выпить.

Глава 8

Я не могла найти себе места. Металась по квартире, будто раненая. Уже ночь на дворе, а его все не было. Я волновалась и злилась на него. И я просто не знала, что и делать.

К десяти часам вечера, когда за окнами стало уже темно, я набрала номер подруги. Длинные гудки казались мне бесконечными.

– Кать, его все нет… Может, ты приедешь ко мне, мне так страшно! – я расплакалась.

Колесникова была настроена не так меланхолично.

– Ален, вот ты плачешь, а этот придурок дверь мне разнес! Теперь отец приедет, что мне ему сказать?!

Я зажмурилась. Мне было так стыдно за поведение Чижа, и за то, что он при подруге стали выяснять отношения. Да еще в столь повышенных тонах.

– Прости, Кать. Еще и тебе досталось.

Катя вздыхает.

– Я хочу сказать, что он тот еще псих. Подумай, Ален, надо ли тебе это.

Мне не нравится то, в каком тоне она говори о нас с Чижом. Я сама буду решать, быть мне с ним или нет.

– Я знаю, где он… – выдает Катя. – Просто не хотела тебя расстраивать…

По спине пробегает холодок.

– Катя, говори… – натянутым, будто струна, голосом.

– Ко мне сейчас заходила Дашка. Звала на тусовку. Говорит, Чиж с братками в клубе. Уже как пару часов сидят.

Бросаю трубку, зажмуриваюсь. Я не хочу, чтобы этот бред был правдой! Если все так, как говорит Катя, Чиж больше никогда не подойдет ко мне ближе, чем на метр. Я не собираюсь быть одной из… И если после ссоры он бросает меня и уходит в клуб… Нет. В таком случае нам не по пути.

Срываюсь в коридор. Обуваюсь и, закрыв дверь, сбегаю на улицу. До клуба минут двадцать пути. Решаю пройтись пешком, а заодно немного успокоиться. Сейчас я готова разорвать его куски. Не дай бог, он окажется там. Пусть только попробует!

***

Я захожу в клуб. Глаза режет от заполнивших воздух паров алкоголя и сигаретного дыма. Расталкиваю толпу и пробиваюсь к лестнице. Сердце где-то на уровне горла, внутри меня все напряжено так, что меня начинает потряхивать. Я не успокоилась. Во мне так много гнева, что он выплескивается

из меня толчками.

Я знаю, где они обычно сидят. Их столик в самом дальнем углу. Делаю пару шагов и замечаю их.

Я вижу их. Олега и Степу. Рядом с каждым по одной танцовщице. Те еще шл*хи, половина города через них прошла. Я делаю еще шаг, и мои глаза находят его. Сердце делает два громких удара, а потом замолкает. Мне кажется, земля уходит из-под ног. Чиж стоит немного в стороне. Рядом с ним Оля – тоже стрипуха и та еще сука. Она жмется к Ваньке, ее ладонь на его спине. Подавшись к нему, трется о его грудь своими сиськами, что-то шепча на ухо.

Я чувствую, как по миллиметру к горлу подступает кислота. Смотрю на них, на то, как он смеется ее рассказу, как время от времени подносит сигарету к лицу, и она тает на его губах. И я хочу также раствориться. Исчезнуть к черту, чтобы не видеть, не чувствовать и не знать.

Чиж вдруг поворачивается в мою сторону, и его глаза встречаются с моими. Я качаю головой, мысленно говоря ему: «нет». Достаточно. Довольно. Слишком много для меня. Я не вывезу. Просто не смогу.

Срываюсь к выходу. Бегу, не разбирая дороги. Слышу погоню позади себя. Не знаю как, но сквозь бушующий здесь шум я отчетливо улавливаю его шаги. Я почти успеваю добраться до коридора, как вдруг чувствую его хватку. Секунда и я стою, прижатая к холодной стене.

Он напротив. Дышит рвано, безумный взгляд шарится по моему телу.

– Я же говорил тебе ждать меня дома, – цедит сквозь зубы.

Внутри все закипает. И это то, что он решает мне сказать после увиденного? Губы кривятся в едкой улыбке. Я подныриваю под его руку и выпутываюсь из хватки. Отхожу на пару шагов. Достаю из кармана связку ключей и швыряю в него. Чиж перехватывает их у самого лица, а в следующий момент резко подается вперед и хватает меня за запястье.

– Отпусти! Отстань! Все! – я кричу, пытаясь вырваться из его рук. Ни слова не говоря, он хватает меня в охапку, сцепляя на моей талии руки. Они словно камень, как бы я не отбивалась, ничего не выходит. Чиж несет меня куда-то по коридору, а я ненавижу его в этот момент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/roman_violetta/esli-u-menya-tebya-zaberut

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить